

Ясук

Марина Целовальникова

18+

Марина Целовальникова

Ясик

«Автор»

2026

Целовальникова М.

Ясик / М. Целовальникова — «Автор», 2026

Иногда, чтобы спастись, достаточно встретить маленького чёрного кота.

История о том, как после самой страшной потери можно начать жить заново.

© Целовальникова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ясик

Глава

1 глава

Утро началось тяжело — так тяжело, что даже дышать казалось усилием. Дождь не лил, не шумел, а именно крапал: монотонно, противно, будто издеваясь над каждым, кто осмелился выглянуть за окно. Капли стекали по стеклу неровными дорожками, сливаясь в мутные ручьи, и стучали по подоконнику с той особой, выматывающей ритмичностью, которая въедается в виски и тянет их тупой болью. Ветер был холодным, злым — он пробирался сквозь щели старого дома, шевелил занавески, будто искал, за что уцепиться, и выстукивал комнату до такой степени, что воздух казался густым и колючим. Март не хотел радовать солнцем. Он будто нарочно тянул серые сумерки, не давая дню шанса стать светлее.

Кира проснулась, как обычно, ровно в шесть утра. Будильник не звенел — ей не нужен был сигнал, чтобы понять, что пора вставать: сон давно перестал быть убежищем, а стал лишь передышкой, после которой реальность возвращалась с удвоенной силой. Каждый день для неё теперь был как пытка: не громкая, не кричащая, а тихая, тягучая, словно кто-то медленно вытягивает из неё остатки сил. Депрессия одолевала с каждым днём всё больше, обволакивая сознание плотным туманом, в котором даже простые действия — встать, умыться, сварить кофе — превращались в почти непреодолимые препятствия.

Буквально неделю назад её подруга Вика покончила с жизнью. Эта фраза, даже про себя, звучала как что-то чужое, неправильное, будто слова не подходили к тому, что произошло. Кира пыталась уложить это в голову, но каждый раз, когда она доходила до конца мысли, её накрывало волной непонимания и боли, и мысль рассыпалась, оставляя после себя только пустоту и холод. Вика была единственным человеком, который был по-настоящему близок Кире. У неё не было родственников, не было родителей: мать бросила её на бабушку ещё до того, как ей исполнилось шесть месяцев. О матери Кира почти ничего не знала — только обрывки фраз, сказанных бабушкой в минуты усталости, да несколько фотографий, которые со временем пожелтели и стали почти неразличимыми. Бабушки не стало, когда Кире исполнилось двадцать лет. С тех пор она чувствовала себя так, будто стоит на краю обрыва, а под ногами нет ничего, кроме пустоты.

Они с Викторией переехали после университета из Москвы в небольшой городок под названием Муром. Это решение казалось тогда правильным, почти спасительным: Москва выматывала, давила, заставляла чувствовать себя маленькой и незаметной среди миллионов людей. Муром же обещал тишину, размеренность, возможность начать всё заново. Они поселились в квартире одной бабули, которая сдавала им комнату. Клавдия Николаевна, сухонькая женщина с вечно нахмуренными бровями и привычкой всё комментировать, говорила: «Скучно мне, вот решила сдать вам одну комнатку на двоих почти за бесценок. А девочки и рады были». И правда, они были рады: комната была небольшой, но уютной, с окном, выходящим во двор, где весной цвела сирень, а летом жужжали пчёлы. В этом месте было что-то домашнее, что-то, что давало надежду.

Вика с Кирой собирались открыть свой салон красоты. Они строили планы, рисовали эскизы, считали бюджеты, спорили о названиях и цветах стен. В те вечера, когда они сидели на кухне, пили дешёвый чай из больших кружек и обсуждали будущее, Кира чувствовала, что у неё наконец-то есть цель, есть что-то, ради чего стоит просыпаться по утрам. Но что-то пошло не так. Сначала Вика стала реже улыбаться, потом — реже говорить. Она отгородилась от Кир невидимой стеной, через которую не доносились ни слова, ни эмоции. Сначала Кира пыталась выяснить, что происходит: осторожно спрашивала, предлагала помощь, пыталась разговорить

подругу, но все попытки разбивались о вежливую, холодную улыбку и фразу: «Всё в порядке, просто много дел». Так прошёл месяц, потом второй. С каждым днём стена становилась выше, а Кира всё сильнее чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Неделю назад Кира пришла с прогулки. День был пасмурным, но не таким мрачным, как сегодня: небо было серым, но в нём мелькало что-то похожее на надежду, будто солнце где-то там, за тучами, всё-таки пыталось пробиться. Кира шла по улице, смотрела на мокрые тротуары, на редких прохожих, кутавшихся в куртки, и думала, что, может быть, сегодня Вика будет чуть разговорчивее. Может быть, она расскажет, что её тревожит, и они вместе найдут выход.

Когда Кира вошла в квартиру, её встретил запах еды — тёплый, домашний, почти забытый. Вика была на кухне: она двигалась быстро, легко, будто внутри неё зажгли свет. На её лице была та самая улыбка, которую Кира так давно не видела, — искренняя, светлая, от которой хотелось верить, что всё будет хорошо. Вика говорила без умолку, рассказывала какие-то пустяки, смеялась над своими же шутками, и в её глазах было столько жизни, что Кира на мгновение замерла, боясь спугнуть этот момент. «Жизнь прекрасна», — повторяла Вика, и эти слова звучали как заклинание, как обещание, что тьма наконец-то отступит.

Подруга прикупила пару бутылок вина и накрыла на стол. Они весь вечер сидели, болтали обо всём на свете: о детстве, о мечтах, о том, каким они видели свой салон, о случайных прохожих, о книгах, которые читали, и фильмах, которые смотрели. Время будто остановилось, сжалось в один тёплый, светлый комочек, и Кира чувствовала, как внутри неё что-то оттаивает, как будто после долгой зимы наконец-то приходит весна. Она была так рада возвращению настроения подруги, так благодарна за этот вечер, что почти забыла обо всех тревогах, которые терзали её последние месяцы.

Ночью они легли спать. Комната была тёмной, только лунный свет пробивался сквозь занавески, рисуя на полу бледные узоры. Вика уснула быстро — её дыхание стало ровным, спокойным, и Кира лежала, слушала его и думала, что, возможно, завтра всё будет по-другому. Возможно, стена, которая разделяла их последние месяцы, наконец-то рухнет, и они снова станут теми самыми девочками, которые мечтают о своём салоне и верят, что у них всё получится.

А уже утром она нашла подругу в ванной. Вика лежала неподвижно, её руки были перерезаны, а вокруг всё было залито кровью — яркой, пугающе контрастной на фоне белой плитки. В комнате пахло железом и смертью, и этот запах врезался в сознание Киры так глубоко, что она знала: она никогда его не забудет. Мир в одно мгновение перестал быть цветным. Он стал чёрно-белым, беззвучным, пустым. И в этой пустоте Кира стояла, не зная, что делать, не зная, как дышать, не зная, как жить дальше.

2 глава

Кира не находила себе места — внутри всё сжималось в тугую, болезненный узел, и даже дышать становилось тяжело. Мысль, что можно просто перестать бороться, проскальзывала всё чаще, царапая сознание, как острый край разбитого стекла. Хоть самой лезь в петлю — эта фраза крутилась в голове, навязчивая и пугающая, и Кира гнала её прочь, но та возвращалась снова и снова, будто знала, что сейчас у девушки не хватит сил её окончательно прогнать.

Её чёрные волосы были небрежно заколоты дешёвым крабиком — он едва удерживал тяжёлые пряди, и то и дело выбивавшиеся локоны падали на лицо, липнули к влажным от невыплаканных слёз щекам. Под глазами пролегалли тёмные круги — они стали уже привычными, словно часть её нового, измученного облика. Кожа казалась бледной, почти прозрачной, а взгляд — пустым, будто всё живое в нём погасло вместе с уходом Вики.

Клавдия Николаевна, как ни пыталась привести Киру в чувство, ничего не добившись, в конце концов оставила её в покое. Сначала она то и дело подходила, пыталась заговорить, ставила перед девушкой чашку горячего чая с мёдом, уговаривала хоть кусочек пирога съесть: «Ну что ты, деточка, нельзя же так... Жизнь-то не кончается». Но в ответ получала только

кивок или тихое «Спасибо, я потом», и в её глазах читалось и беспокойство, и усталость от собственной беспомощности. В какой-то момент она просто перестала настаивать, лишь время от времени поглядывала на Киру с тревогой, будто проверяя, держится ли девушка на плаву.

Сегодня наконец-то светило солнце. Его лучи пробивались сквозь тонкие облака, ложились на асфальт тёплыми пятнами, отражались в лужах после вчерашнего дождя, превращая их в маленькие зеркала. Казалось, весь город вдруг ожил, задышал по-новому, но для Киры эта радость была чужой. Солнце не грело её изнутри — оно лишь подчёркивало контраст между внешним миром, который продолжал жить, и её собственной застывшей, ледяной пустотой.

Кира села на скамейку в сквере Ермакова. Вокруг росли красивые клёны — их ветви ещё не покрылись густой листвой, но уже были усыпаны молодыми, светло-зелёными почками, обещающими скорое тепло. Воздух был прохладным, пах влажной землёй и едва уловимым ароматом первых цветов. Девушка смотрела перед собой, не видя ничего конкретного: её взгляд скользил по линиям дорожек, по силуэтам редких прохожих, по теням, которые ложились на траву, но не цеплялся ни за что.

Вдруг рядом появился чёрный маленький котик. Он подошёл осторожно, будто проверял, не прогонят ли его, остановился в паре шагов, наклонил голову, изучая девушку своими большими, внимательными глазами. Кира машинально протянула руку, и он, немного помедлив, подошёл ближе. Она начала гладить его, чувствуя под пальцами мягкую, чуть взъерошенную шерсть. И тут в памяти вспыхнуло воспоминание: у Вики в Москве был такой же малыш — чёрный, шустрый, вечно путавшийся под ногами, но такой уютный, что стоило ему запрыгнуть на колени, как на душе становилось чуточку теплее. Вика тогда смеялась: «Он как маленький оберег — куда он, туда и уют». И теперь, глядя этого незнакомого котёнка, Кира будто на мгновение снова оказалась рядом с подругой, услышала её смех, увидела её улыбку — и от этого стало и легче, и больше одновременно.

Чуть отдохнув, она встала и пошла домой. Пройдя буквально пару метров, Кира оглянулась. Котёнок всё ещё бежал за ней, смешно перебирая лапками, иногда останавливаясь, чтобы убедиться, что девушка не исчезла. На улице по-прежнему было холодно — ветер пробирался под куртку, заставлял ёжиться, но в груди вдруг шевельнулось что-то похожее на желание сделать хоть что-то хорошее, пусть даже для маленького, беззащитного существа.

«Почему бы не забрать его домой?» — подумала Кира. Клавдия никогда не была против животных — наоборот, в молодости у неё жила кошка, о которой она иногда рассказывала с тёплой улыбкой. Да и какая разница, с животным она будет жить в одной комнате или одна? Одиночество не станет меньше от того, что рядом никого нет, а вот если рядом будет кто-то, кто просто тихо посидит, свернётся клубочком и будет дышать рядом — может, станет хоть чуточку легче.

— Пошли со мной, дружок

— тихо сказала Кира, присаживаясь на корточки, чтобы быть на одном уровне с котёнком.

Котик только мяукнул в ответ и поставил свои лапки на ногу Киры, будто пытался обнять её, как умел. В этом жесте было столько доверия и простоты, что у девушки на мгновение перехватило дыхание. Она осторожно взяла его на руки — он тут же прижался к ней, уткнулся носом в куртку, будто искал защиты и тепла. И Кира вдруг почувствовала, что теперь у неё есть причина двигаться дальше — хотя бы ради этого маленького существа, которое выбрало её.

Она побрела в магазин, прижимая котёнка к себе, чтобы он не замёрз. Там, среди полок с товарами, она растерялась на мгновение: столько всего нужно, столько незнакомых названий. Но продавщица, заметив её неуверенность и дрожащие руки, подошла и помогла: подсказала, какой корм лучше взять для котёнка, какие мисочки удобнее, посоветовала шампунь и даже показала небольшой набор для ухода. Кира купила всё необходимое — мисочки, корм, шампунь, лоток, наполнитель, игрушку в виде мышки с кошачьей мятой. На кассе она на секунду

задержалась, глядя на покупки, и подумала: «Это как будто первый шаг к тому, чтобы снова начать заботиться. Сначала о нём, потом, может быть, и о себе».

Придя домой, она разделась, стянула куртку и кинула её на рядом стоящий стол — движение вышло резким, почти нервным, как будто она хотела сбросить с себя не только верхнюю одежду, но и весь груз последних дней. Потом прошла на кухню, где всё ещё пахло вчерашним супом и чем-то неуловимо домашним, что напоминало о том, что жизнь продолжается, даже если ты не чувствуешь этого. Налив воды в одну мисочку и насыпав корма в другую, она поставила котёнка на пол. Он с удовольствием побежал к еде, начал есть с таким аппетитом, что на его мордочке появилось что-то вроде улыбки. Вскоре, наевшись, он побрёл осматривать своё новое жильё — заглядывал под стулья, обнюхивал углы, останавливался, прислушивался к каждому звуку, будто пытался запомнить каждую деталь этого места, чтобы потом не бояться темноты.

Деньги, которые достались Кире в наследство от бабушки, сейчас очень сильно помогали ей жить. Их было не настолько много, чтобы беззаботно прожить несколько лет, но хватало на самое необходимое: на аренду комнаты, на еду, на лекарства, когда становилось совсем плохо, а теперь ещё и на корм и уход за котёнком. Откуда у бабушки было столько денег, Кира не знала. Бабушка никогда не рассказывала о своих сбережениях, не любила говорить о деньгах — говорила, что счастье не в них, а в том, чтобы жить по совести и помогать тем, кто рядом. Но Кира была ей бесконечно благодарна за эту подушку безопасности, которая сейчас не давала ей упасть на самое дно.

На эти деньги они с Викой и хотели открыть салон, вести свой бизнес. Мечтали о светлом помещении с большими окнами, о мягких креслах, о запахе свежих цветов и кофе, о клиентах, которые будут уходить от них не только красивыми, но и счастливыми. Они считали бюджет, спорили о дизайне, представляли, как будут работать вместе, поддерживать друг друга, радоваться маленьким победам. Но не сложилось. А самой Кире сейчас было не до этого — мысль о том, чтобы снова строить планы, казалась почти невыносимой.

Психологов Кира не воспринимала. Ей казалось, что никто не сможет понять ту смесь боли, вины и опустошения, которая жила внутри неё. Слова чужих людей звучали бы фальшиво, а попытки «помочь разобраться в чувствах» только раздражали, напоминая о том, насколько она сейчас уязвима. Поэтому она не ходила на сеансы, предпочитая справляться с этим в одиночку — или хотя бы делать вид, что справляется.

Взяв котёнка в кровать, она сразу заснула. Усталость наконец-то взяла своё, накрыла её тяжёлым, но спасительным покрывалом, унося из реальности, где было слишком много боли. Котик залез ей на голову, устроился там, будто это было самое безопасное место на свете, и тоже уснул, тихо мурлыча. Его тёплое, ровное дыхание смешивалось с её собственным, и в этой тишине, в этом маленьком, живом присутствии, Кира впервые за долгое время почувствовала, что она не совсем одна.

Клавдия, как обычно, была у соседок допоздна. Она любила посидеть с подругами, поболтать о том о сём, обсудить новости города, посмеяться над какими-нибудь историями. Кира знала об этом и не ждала её возвращения — была даже рада, что сегодня ей не придётся отвечать на вопросы или делать вид, что всё в порядке. В комнате царили полумрак и тишина, нарушаемая только тихим мурлыканьем котёнка и редким шумом с улицы. И в этой тишине Кира, пусть и ненадолго, смогла выдохнуть.

3 глава

Котик лапкой осторожно трогал нос Киры, будто проверял, проснулась ли она, а потом принялся играть её волосами — перебирал пряди, цеплял их мягкими подушечками, не выпуская когтей. Его движения были такими невинными, такими живыми, что в груди у Киры что-то тихо шевельнулось — не радость, нет, пока ещё слишком рано для неё, но какое-то лёгкое, едва уловимое тепло, похожее на первый робкий луч солнца после долгой метели.

Она чуть приоткрыла глаза, потянулась, не спеша, будто боялась спугнуть это непривычное ощущение покоя, и, не раздумывая, взяла котика на руки, крепко, но бережно обняла. Он на мгновение замер, удивлённо моргнул, а потом уткнулся носом ей в плечо и тихонько замурчал. Этот звук был таким простым, таким обыденным, а для Киры прозвучал почти как чудо.

Сегодня она проспала до восьми часов — что было удивительно. Раньше она просыпалась ровно в шесть, будто внутренний будильник не знал пощады и безжалостно выдергивал её из неглубокого, тревожного сна. А теперь... теперь тело само просило отдыха, и Кира впервые за долгое время не стала с ним спорить.

«Видимо, мне становится чуть лучше», — подумала она, прислушиваясь к своим чувствам. Не к эмоциям — те всё ещё прятались где-то глубоко, укрывшись от света и чужих взглядов, а именно к ощущениям: к тому, как под ладонью мерно вздымается бок котёнка, как пахнет свежестью подушка, как в комнате тихо, но не пусто. Это была не прежняя звенящая тишина, от которой хотелось кричать, а тишина, в которой можно было дышать.

Котик продолжал играть её волосами, то и дело касаясь лапкой то носа, то щеки, и в этих мелких, бессмысленных движениях было столько жизни, что Кира невольно улыбнулась — впервые за много дней искренне, без усилия. На вид котику было не больше года: он ещё был немного угловатым, с непропорционально большими ушами и лапами, которые будто не успевали за остальным телом. В нём чувствовалась юность — та самая, которая ещё верит, что впереди только хорошее.

Вдруг он был чьим-то? Эта мысль скользнула в сознание, царапнула краем сомнения. Может, его кто-то ищет, может, где-то есть дом, где по нему скучают, и Кира сейчас делает что-то неправильное, забирая его к себе. Но она тут же отбросила эти мысли, приказав себе не думать о плохом. Котик выглядел не домашним: шерсть была чуть свалявшейся, на ушке виднелась маленькая царапина, а в глазах читалась та особая настороженность, которая бывает у тех, кто привык полагаться только на себя. «Он меня нашёл, — прошептала Кира, будто убеждая не столько котёнка, сколько саму себя. — Значит, так и должно быть».

Сегодня нужно было помыть его специальным шампунем, обработать от блох, приучить к лотку — столько мелких, но важных дел, о которых раньше она бы и не задумалась. И вот теперь Кира сидела, прижимая к себе тёплое тельце, и спокойно, без паники, перебирала в голове планы на день. Это было удивительно — после того, как её дни слились в одно серое, бесформенное пятно, где не было ни планов, ни желаний, ни даже мыслей о том, что будет через час. А теперь вдруг появилось «сегодня», и в нём нашлось место простым заботам.

Внезапно в дверь постучали — не громко, не требовательно, а осторожно, будто боялись спугнуть хрупкое равновесие.

— Кира, с тобой всё хорошо? — послышался из-за двери голос Клавдии, чуть приглушённый деревом, но всё равно тёплый, наполненный тревогой и заботой.

— Да, — ответила Кира, и в этом коротком слове прозвучало больше, чем она сама ожидала: не просто «я жива», а «я здесь, я справляюсь».

Клавдия приоткрыла дверь и заглянула в комнату, держа в руке чашку — наверное, хотела поставить её на тумбочку, если Кира проснётся. Увидев девушку, она чуть улыбнулась, но в её глазах всё ещё читалась настороженность: она привыкла видеть Киру бледной, замкнутой, будто спрятавшейся от всего мира, и теперь не знала, можно ли верить этой новой картине.

— Тебе что-то приготовить? Кофе, чай? — спросила она, уже шире открывая дверь и входя в комнату.

Кира лежала на кровати, глядя на неё с улыбкой — с той самой, которую Клавдия не видела уже очень давно. Рядом с девушкой копошился котёнок: он то трогал лапкой её нос, то тянулся к щеке, будто пытался запомнить каждую черту. И эта нелепая, трогательная сцена вдруг сделала комнату светлее.

— Ой! — воскликнула Клавдия, заметив малыша. — Это что за чудо тут такое?

— Я нашла его вчера в сквере, — улыбаясь, сказала Кира, прижимая котёнка к себе. — Точнее, он меня нашёл. Я и забрала. Если можно, то я бы выпила кофе.

Впервые за долгое время она разговаривала с Клавдией так же, как когда они только переехали к ней в квартиру: без натянутости, без необходимости подбирать слова, чтобы не выдать, насколько ей тяжело. Это был обычный разговор двух людей, которым не нужно притворяться.

Клавдия на радостях погладила котёнка, провела ладонью по его чёрной, мягкой шерсти, и в её глазах мелькнуло облегчение — такое тихое, почти незаметное, но очень настоящее. Потом она торопливо кивнула, будто боялась, что если задержится хоть на секунду, то всё исчезнет, и убежала на кухню — творить завтрак. Для неё эти девочки давно стали роднее всех родных, и она всегда за них переживала. Они прожили у неё уже около трёх лет, и хоть общались не каждый день, не обо всём на свете, а так, по мелочам и по делу, Клавдия чувствовала за них ответственность, как за своих собственных детей.

Когда-то эти девчонки, полные энергии и планов, ворвались в её размеренную жизнь: им было по двадцать три, они смеялись, строили грандиозные проекты, хотели перевернуть мир. Тогда казалось, что у них впереди целая вечность, чтобы успеть всё. Но сначала не нашлось времени, потом Вика стала какой-то странной, всё больше отстранялась, пряталась в себе, а теперь и Кира стала такой же. И Клавдия переживала за неё каждый день, ловила малейшие признаки того, что девушка ещё держится, ещё не сдалась. А теперь, когда в комнате появился этот маленький чёрный комочек, в её сердце затеплилась надежда: может быть, именно он станет той ниточкой, которая потихоньку вытянет Киру из темноты.

Приготовив завтрак, Клавдия позвала Киру за стол.

— Пойдём кушать! — прокричала она из кухни, и голос её звучал чуть громче обычного, будто она хотела, чтобы это простое приглашение прогнало все тени, скопившиеся в углах комнаты.

— Сейчас! — ответила Кира, приподнимаясь на локтях и глядя на котёнка, который уже пытался спрыгнуть с кровати и исследовать новые территории. — Мне осталось пару минут — домыть шампунем этого чёрного засранца.

И в этом шутовском ворчании тоже было что-то хорошее — живое, настоящее, такое, что заставляло верить: день будет не таким уж плохим.

Глава 3

Кира сидела на кровати, машинально листая ленту «ВКонтакте» — раздел «Подслушано Муром» мелькал знакомыми постами: кто-то терял ключи, кто-то жаловался на автобус, кто-то искал попутчика до Владимира. Всё это было таким обыденным, почти чужим, но Кира цеплялась за эти мелочи, как за якоря, удерживающие её в реальности. И вдруг среди привычных жалоб и объявлений она наткнулась на фото какого-то помещения — и замерла.

На снимке был фасад старого кирпичного дома, массивная арка, ведущая во двор, и короткий текст о продаже нежилого помещения. Что-то внутри Киры щёлкнуло, будто разомкнулся один из тех тугих замков, что сковывали её мысли последние недели. Она тут же перешла на «Авито» и начала искать по описанию. И нашла.

Помещение на улице Московской, 4 — в самом центре Мурома. Кирпичное, нежилое, цокольный этаж, площадь — 133 квадратных метра, высота потолков — 3 метра. Отдельный вход через арку во двор. Центральное отопление, электричество, вентиляция, вода и канализация уже подведены. Сейчас использовалось как склад, но в стенах были заложенные кирпичом проёмы под окна — значит, можно вернуть свет, можно сделать пространство живым. В описании предлагали использовать его под мастерские, сервисы, швейные цеха... Но Кира видела совсем другое.

«Как раз то, что я искала, — подумала она, чувствуя, как внутри медленно, осторожно начинает разгораться что-то похожее на азарт. — Всё сделаю под себя, как мне нужно».

Кира давно отучилась на мастера маникюра, прошла курсы педикюра, держала в руках инструменты, знала, как ложится лак, как важно, чтобы клиентка чувствовала себя не просто ухоженной, а особенной. И теперь эти знания, которые столько времени лежали мёртвым грузом, вдруг снова стали нужны. Она уже мысленно расставляла кресла, продумывала освещение, представляла, как будет выглядеть зона ожидания — с мягкими подушками, живыми растениями, может быть, даже с маленьким столиком, где можно налить гостье чашку чая.

А потом её накрыла другая мысль — тихая, но твёрдая, как обещание. Она решила, что исполнит их с Викой мечту. В память о подруге. Не потому, что это заглушит боль — Кира знала, что ничего не заглушит её до конца. Но потому, что Вика должна остаться не только в слезах и воспоминаниях, а в чём-то настоящем, в деле, в пространстве, где будут звучать голоса, смех, разговоры о жизни.

Кира встала с кровати, чувствуя, как впервые за долгое время в теле появляется не тяжесть, а лёгкое напряжение предвкушения — будто мышцы вспоминают, каково это: двигаться вперёд. Чёрный комочек, которого она назвала Ясиком, как всегда, ходил за ней следом. Он не отставал ни на шаг: если Кира шла на кухню — он бежал впереди, если садилась — он устраивался рядом, если стояла у окна — он тянулся лапкой к стеклу. Так и сейчас он забежал в ванную вместе с ней и, не раздумывая, прыгнул прямо в ванну, будто решил, что купание — это общее дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.